

- S. 93.
29. Ibid. S. 98.
30. Ibid. S. 103 - 104.
31. Hyvämäki L. Sinistä ja mustaa. Tutkielma Suomen oikeistoradikalismista. Helsinki, 1971. S. 77 - 78.
32. Kujala A. Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa. Juva, 2008. S. 140.
33. Kosonen K. Interpreting Maps in the Press. Paper Presented at the International Geographical Union World Political Map Conference on Nationalism and Identities in a Globalized World. Maynooth, 1998.
34. Harle V., Moisio S. Missä on Suomi? S. 87.
35. Nygård T. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen? Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Keuruu, 1972. S. 136.
36. Karemaa O. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä. Venäläisviha Suomessa 1917 - 1923. Helsinki, 1998.

V. Историческая антология.

Е. В. Тарле

Эльзас-Лотарингский вопрос накануне Великой европейской войны. (*)

Стремление Франции к возвращению Эльзас-Лотарингии не было непосредственной причиной войны, и, собственно, за все сорок четыре года ни разу Германия не имела причины опасаться, что французская республика объявит ей войну из-за Эльзас-Лотарингии. Но отторгнутые провинции создали между Германией и Францией непроходимую пропасть, явственный отказ Франции нравственно санкционировать Франкфуртский договор поддерживал ту общую неуверенность в прочности европейского мира, которая вызвала гигантский и повсеместный рост вооружений. «Из Франции всегда до нас доносится как бы вой ветра в трубе в осеннюю бурю», - таковы слова, приписываемые Бисмарку. Не подлежит никакому сомнению, что и франко-русский союз и франко-английское соглашение, приведшее к тройственному согласию, были в серьезнейшей степени обусловлены отторжением Эльзас-Лотарингии. В последние годы во Франции было целое общественное течение, склонявшееся к идее примирения с Германией, на основе дарования этой области широкой автономии (Жорес, Эрве) и создания из нее как бы буфера между двумя державами. Но это течение не имело в общем никакого успеха. «Расчлененная родина», «обезображенная граница», «братья, стонущие под ярмом» - вот что отвечала полемика на все призывы к компромиссному решению трагического вопроса. В конце концов оправдалось предсказание Бисмарка, что Франция (даже если и не самолично начнет войну) всегда примет участие во *всякой* антигерманской коалиции...

На очень немногих страницах, которыми мы располага-

ем, попытаемся напомнить читателям, в каком положении находились эти две провинции перед войной. Эта сторона дела менее заметна и менее известна, чем настроение Франции в данном вопросе, но и она имеет свое немаловажное значение.

I

Эльзас-Лотарингский вопрос, бесспорно, является в последние четыре с половиной десятилетия европейской истории одним из серьезнейших, предопределяющих факторов в создании основных дипломатических комбинаций, разделявших великие державы на враждебные лагеря. Еще в 1884 г. на Женевском конгрессе лиги мира было торжественно признано, что *главной* причиной гигантских вооружений, разоряющих Европу, является именно вопрос об Эльзасе и Лотарингии. С тех пор прошло 30 лет, и за это время в Европе накопилось еще много иных горючих веществ, но никогда этот вопрос не сходит с очереди. Бисмарк очень отчетливо это выразил в своих посмертных мемуарах, сказав, что Франция всегда примкнет тотчас же ко всякой европейской державе, которая объявит войну Германии. Несомненно, понимал он и то, что эта ничем неистребимая вражда Франции, в сущности, серьезнейшим образом ухудшает общее дипломатическое положение Германии. Мало того, в 1879 г., беседуя у себя в имении с приглашенным погостить французским послом, Бисмарк определенно заявил ему, что отнятие у Франции части Лотарингии было ошибкой, что он, Бисмарк, и тогда, в 1871 г., был против этого и т. д. Но это заявление не совсем соответствует истине. Оно характерно только как свидетельство, что уже в 1879 г. условия Франкфуртского мира самому Бисмарку начинали казаться не вполне обеспечивающими европейский мир. На самом же деле в сентябре 1870 г., тотчас после Седана, Бисмарк поспешил официально оповестить европейские дворы, что не только Страсбург, но и Метц, т. е., значит, именно отрезок Лотарингии, необходимы Германии для

оборонительных целей, для обеспечения себя впредь от нападений со стороны Франции. Но, вместе с тем, в интимных разговорах со своим подчиненным (и журналистом) Бушем Бисмарк тогда же (точнее, в начале 1871 г.) высказывался в том смысле, что отнятие у Франции Метца, собственно, не его идея, а желание военной партии; он же был бы согласен заменить Метц надбавкой контрибуции, так как ему кажется излишним приобретать столько французов в качестве подданных. Во всяком случае, никакой сколько-нибудь ощутимой борьбы с целью отстоять свое мнение Бисмарк не предпринял, и «военная партия», на которую он вообще любил неопределенно ссылаться, одержала полную победу. Что же касается до Эльзаса, то в этом Бисмарк никогда не допускал никаких колебаний и сомнений, следовательно, если бы даже восторжествовала более скромная программа, которую Бисмарк приписывал себе, и если бы Германия отказалась бы от Метца с лотарингскими округами, расположенными вокруг него, все равно прочный европейский мир после этого становился невозможен. Дело в том, что французское народное сознание не делало в 1871 г. и не делает в 1914 - 1915 гг. ни малейшего различия между Эльзасом и Лотарингией, считая обе утерянные провинции одинаково французскими, хотя Эльзас и говорит по-немецки. «Как можно спрашивать мать, у которой украли двух детей, кто из них ей дороже?» - возмущенно воскликнул по этому поводу Поль Дерулед в одной из своих агитационных речей.

Лотарингия, стародавняя французская земля, и Эльзас со Страсбургом, принадлежавшим Франции со времен Людовика XIV, не переставали с 1871 г. чувствовать себя насильственно оторванными от родины, насильственно инкорпорированными «имперскими землями», не имеющими никаких нравственных связей с германской империей.

Со времени завоевания в Эльзас-Лотарингии, объявленной «имперской землей» и постановленной под непосредственное управление назначаемого императором наместника, смени-

лось несколько режимов: пока у власти был Бисмарк, преобладал режим подозрительности, суровости, насильственного онемечения, придирчивого гонения на французский язык (в Лотарингии), на французские симпатии (в Эльзасе и Лотарингии); после Бисмарка, иногда этот режим сменялся временными послаблениями, периодами умеренного административного либерализма. Вильгельму II случалось даже (раза три в течение царствования: в 1892 - 1893, в 1899 - 1900, в 1903 - 1904 гг.) мечтать о полном примирении населения имперской области с германским владычеством. Но все это были очень редкие моменты; в общем, режим притеснения продолжался почти вплоть до последнего времени. В этом отношении очень мало изменений внесла и реформа 1909 - 1911 гг., введшая в Эльзас-Лотарингии некоторое подобие местного самоуправления, или, торжественнее выражаясь, областной конституции. Что нельзя будет ни в каком случае управлять страной впредь до бесконечности исключительно при помощи наместнической диктатуры, это признавал уже Бисмарк; признавали и его преемники по канцлерству, но все они, откладывая реформы с десятилетия на десятилетие, ссылались на беспокойный, враждебный, антигосударственный дух Эльзас-Лотарингии, на «франкофильство» населения, на продолжающиеся массовые уклонения молодежи от отбывания воинской повинности (причем уклоняющиеся уходили во Францию и там натурализовались). Наконец, «автономия» была дана, как говорят, не без некоторого давления со стороны южно-германских правителей, не совсем довольных исключительной властью, которой пользовался император в Эльзас-Лотарингии, в этом общем достоянии, или, как пишут французские авторы, «общей добыче» всех германских государств. Впрочем, чисто административная часть по-прежнему была оставлена в руках наместника, назначаемого императором и ответственного исключительно перед императором; но узаконения, касающиеся Эльзас-Лотарингии, и бюджета области должны были отныне проходить через две палаты ландтага: верхнюю и нижнюю.

Верхняя палата состоит из членов, непосредственно назначаемых императором, а также высших сановников, заседающих *ex officio*, и из нескольких выборных делегатов (один от четырех муниципалитетов - Страсбурга, Метца, Кольмара и Мюльгаузена, трое от торговых палат, трое от сельскохозяйственного совета, один от ремесленной палаты).

Нижняя палата состоит из 60 членов, выбираемых прямой и всеобщей, но не равной подачей голосов (избиратели различаются по возрастному составу: лица старше 35 лет имеют два голоса, старше 45 лет - три голоса). В среднем каждый избирательный округ имеет населения 30000 душ. Закон и бюджет проходят через обе палаты и утверждаются императором; если нижняя палата ландтага отвергнет бюджет (с верхней палатой, где ровно половина членов по назначению, это случиться, конечно, не может), то в силу вступает бюджет предыдущего года. Вот главные черты «автономных» учреждений, дарованных Эльзас-Лотарингии. Ни малейших законных возможностей ограничить произвол или притеснения административных властей эти учреждения не дают и не могут дать населению имперской области; но, во всяком случае, явилась возможность гораздо свободнее высказывать (попутно, при обсуждении законопроектов) свои жалобы, чем это было до тех пор мыслимо в прессе, неуклонно преследуемой придирчивой и подозрительной прокуратурой. Собственно, это было едва ли не главным реальным благом, полученным Эльзас-Лотарингией от введения областного ландтага, так как, не говоря уже о полном отсутствии какого бы то ни было контроля над управлением, не говоря также о широкой возможности для правительства обойтись без вотированного бюджета, не распространяясь о всегдашнем Дамокловом мече, висящем над всеми решениями нижней палаты ландтага - veto верхней палаты и императорском неутверждении, - достаточно вспомнить, что всякий общеимперский закон, если он противоречит областному закону, уничтожает этот последний, чтобы оценить более нежели скромные рамки, отведен-

ные законодательному самоопределению Эльзас-Лотарингии.

Итак, в настоящее время, Эльзас-Лотарингия, страна, занимающая 15518 квадратных километров, насчитывающая более 1870000 жителей, в сущности, по-прежнему управляется бесконтрольной властью наместника. Муниципальная жизнь здесь тоже стеснена больше, чем в остальных государствах Германии, в особенности постоянными, не терпящими никаких возражений, вмешательствами военных властей в хозяйственную жизнь городов, имперской области, их претензиями и требованиями, захватами и незаконным пользованием городскими помещениями, городскими земельными угодьями и т. д. Три главных города области - Страсбург, со своими 168000 жителей, Мюльгаузен (около 95000), Метц (69 000), не говоря уже о меньших городах - очень и очень должны считаться с произволом военных властей, от которых нет обыкновенно никакой защиты, так как гражданские чиновники, подчиненные наместнику, всячески избегают вступать в конфликт не только с начальниками гарнизонов, но и с любым офицером любого из этих гарнизонов; были случаи, когда на почве таких конфликтов погибала блестяще начатая карьера гражданского чиновника, а дело фон Ферстнера, о котором будет речь дальше, показало, что и для судебных властей не совсем безопасно приходить в столкновение с эльзас-лотарингским офицерством. Собственно, в окончательном своем виде, со всеми ныне действующими поправками, эльзас-лотарингская «конституция» прошла и была окончательно утверждена и введена в действие лишь в 1911 г. Что касается состава хотя бы того ландтага, который был выбран в октябре 1911 г., то по нем судить довольно трудно об истинном настроении избирателей: сепаратистская программа, конечно, не выставляется и не может выставляться ни одним кандидатом; на социал-демократов имперское правительство смотрит чуть ли не как на самую надежную опору против сепаратистских тенденций; клерикалы и люди, близкие к ним, в одних местах идут на выборах под флагом, враждебным пра-

вительству, а в других - произносят горячие речи против анти-клерикальной политики французской республики и восхваляют «широкую терпимость» германских властей к католической церкви... Политическое credo этих шестидесяти депутатов нижней палаты ландтага, кроме того, крайне редко вообще может оказаться в узких рамках чисто деловых, местных вопросов, подлежащих их суждению. Вот, впрочем, подсчет депутатов ландтага по партиям:

Центр	25
Лотарингский блок	10
Социал-демократы	11
Либералы и демократы	12
Независимые	2
Итого	60

Во всяком случае при всей невольной замаскированное «франкофильских» тенденций «лотарингского блока», при всей умеренности требований «либералов» и «демократов» касательно расширения свободы преподавания и «управления Эльзас-Лотарингии *исключительно* эльзас-лотарингцами», при всем равнодушии социал-демократов к местным сепаратистским тенденциям правительство могло насчитать в самом деле несколько преданных ему сторонников только среди двадцати пяти клерикалов «центра». Таков состав этого первого местного парламента Эльзас-Лотарингии. Следует заметить, что выборы совершались еще сравнительно в спокойный период. В последние годы наместник имперской области, Ведель, сделал кое-что для смягчения затаенной вражды населения к победителям. С его стороны не было особых придирок, его жена, графиня Ведель, довольно демонстративно выразила однажды свое расположение к одному из вождей «местной» партии (называющихся иногда «националистами» и входящих в «лотарингский блок»), аббату Веттерлэ, - и вообще в последние годы там водворилась некоторая благожелательность в отношениях гражданских властей к населению.

II

Нет никакого сомнения, что с 1 февраля 1871 г., когда был обнародован закон о присоединении Эльзас-Лотарингии к германской империи, много воды утекло и что германская пресса, неоднократно отмечавшая с большим удовлетворением упадок старого «непримиримого» настроения в имперской области, была не совсем права. Рост промышленности в городах (особенно Страсбург и Мюльгаузен) могущественно способствовал нарастанию и укреплению социал-демократии, по всей своей психологии совершенно чуждой идее местного патриотизма и особенно сепаратистских тенденций. Выше уже сказано, что правительство, враждебное социал-демократам, на всем пространстве империи, здесь, в Эльзас-Лотарингии, с удовольствием взирало на их победы в тех округах, где им пришлось бороться против местных «националистов» толка Веттерлэ. С другой стороны, во Франции большая пресса относилась всегда к эльзасским социал-демократам с нескрываемой враждой (ср. типичную негодующую статью сенатора Бодэна в газете «Action» от 1 ноября 1911 г. по поводу результатов выборов в Эльзас-Лотарингии). Далее, нельзя отрицать, что и в широких слоях буржуазии, особенно в лотарингских строго католических семьях, последовательная антиклерикальная политика целого ряда французских кабинетов, начиная с Вальдека-Руссо, продолжая Комбом и кончая Клемансо, возбуждала много горечи и раздражения. Соответственная агитация со стороны не местной, ненавистной населению, чиновничьей, пангерманистской «Strassburger Post», не имеющей ни малейшего морального авторитета, но влиятельнейшего католического органа «Germania» не прошла для Эльзас-Лотарингии бесследно.

Наблюдатели эльзас-лотарингских настроений утверждали положительно, что демонстративно-любезный визит, сделанный Вильгельмом II папе, произвел в имперской области сильное впечатление, особенно после комментариев германской католической прессы и сопоставлений этого факта с официальным

и окончательным разрывом сношений между французским правительством и папским престолом. Нужно заметить также, что германские власти, (в последние 15 лет в особенности) относились, в самом деле, с большой предупредительностью и любезностью к католическому духовенству в имперской области, а духовенство пользуется здесь огромным влиянием (в Эльзас-Лотарингии на каждую тысячу жителей приходится 765 католиков). Но зато целый ряд условий препятствовал и препятствует сколько-нибудь значительным успехам «имперской идеи» в Эльзас-Лотарингии.

Начнем с условий экономических. Чем занимается, чем живет Эльзас-Лотарингия? По данным последней профессиональной переписи, произведенной в Германии, в Эльзас-Лотарингии экономически-самодостаточна почти половина *всего* населения, 906000 человек с лишком.

Из них в сельском хозяйстве и лесоводстве занято 339000 с лишком, промышленностью как обрабатывающей, так и добывающей - 350300 человек, торговлей и транспортом - 97500 человек, государственной и общественной службой - около 110000 человек. Таковы не все, но главные слагаемые указанной общей суммы. Если мы, даже намеренно и очень сильно преувеличивая, признаем, что все 110000 чиновников и служащих в общественных учреждениях сплошь - верные слуги правительства и ратоборцы «имперской идеи», то все же, совершенно очевидно, что остальные слагаемые, и только они, могут иметь определяющее значение. Есть ли у лиц, кормящихся при сельском хозяйстве в Эльзас-Лотарингии, какие бы то ни было побудительные причины дорожить принадлежностью к Германии? Статистика сбора зерновых хлебов и картофеля показывает, что Эльзас-Лотарингия стоит в этом отношении ниже Пфальца, Саксонии, Бадена, Гессена, королевства Пруссии, Мекленбург-Шверина, Саксен-Веймара, почти во всех отношениях (кроме сбора ячменя) ниже Баварии и ниже еще целого ряда входящих в состав германской империи государств. Крупных

латифундий в Эльзас-Лотарингии чрезвычайно мало; из 339000 человек, кормящихся в сельском хозяйстве (и при лесоводстве), 116000 человек - самостоятельные хозяева или руководители хозяйств и 229000 человек - служащие и рабочие. Психология «восточно-эльбекских» юнкеров и даже общегерманского «союза сельских хозяев» осталась вполне чуждой эльзас-лотарингскому мелкому землевладению, а оно там – почти все мелкое (23 % участков от 2 до 5 гектаров, 39% участков от 5 до 20 гектаров, 11% участков *менее* 2 гектаров и т.д.; всего 6,5% участков свыше 100 гектаров). Этот слой населения и оказался, быть может, наиболее упорным хранителем старых местных преданий, «молчаливо-франкофильским», как злобно называет эльзас-лотарингское крестьянство «Strassburger Post». Никаких побудительных экономических соображений, которые могли бы с успехом начать борьбу против этих стародавних культурно-исторических навыков и привязанностей, в названном слое эльзас-лотарингского населения не возникало. Переходим теперь к населению, занятому промышленностью. Нужно сказать, что Эльзас-Лотарингия была промышленной страной еще тогда, когда принадлежала Франции. Промышленная деятельность (в особенности текстильная индустрия) была здесь распространена с давних пор, в особенности в пяти городах: Страсбурге, Цадерне, Кольмаре, Мюльгаузене и Сааргемюнде. Хлопчатобумажные, ситценабивные, шерстоткацкие фабрики широко распространены в Эльзасе, шелковое производство - в Лотарингии. Кроме текстильной промышленности, славятся в имперской области бумажные фабрики, стекольные заводы, сталелитейни, красильни; очень развито и горнозаводское дело (добывается железо, медь, каменная соль). Как уже сказано, всех лиц, занятых промышленным трудом, в Эльзас-Лотарингии числится 350300 человек. Из них - хозяев и руководителей предприятий считается 54500 человек, а рабочих и служащих - 295800 человек. О широком распространении социал-демократии среди рабочих имперской области сказано уже точно так же, как о том, что

социал-демократия относится вполне равнодушно к местным преданиям и франкофильским тенденциям.

Но все же неоднократные (и очень резкие) выступления социал-демократов как в рейхстаге, так, в последние годы, и в эльзас-лотарингском ландтаге по поводу притеснений и гонений, воздвигнутых на французский язык, по поводу придирок гражданских властей, произвола военных и т. д. показали правительству, что на социал-демократию в имперской области оно может в конце концов смотреть разве только как на меньшее из двух зол, но ни в коем случае не как на благо (с точки зрения последовательного онемечения населения). Тем не менее, всем знакомым с настроениями европейского рабочего класса в последние десятилетия хорошо известно, что целые категории рабочих (и категории немаловажные) часто попадают под влияние некоторых особых тенденций и начинают признавать совпадение до известной степени своих интересов с интересами их хозяев. Достаточно вспомнить дебаты об «империализме» рабочих, занятых в германской сталелитейной промышленности, о «милитаризме» рабочих Шнейдера во Франции и Крупна в Германии и т. д. Значит, нужно еще спросить себя, есть ли в Эльзас-Лотарингии такие побудительные причины, которые заставляли бы хозяев положительно дорожить связью их области с Германией? На это можно дать скорее отрицательный ответ, - уже а priori даже не зная еще, что и на самом деле эльзас-лотарингские промышленники отнюдь не считаются добрыми немецкими патриотами. Дело в том, что неслыханное, грандиознейшее развитие промышленности в германской империи делает конкуренцию чрезвычайно трудной, предъявляет весьма высокие требования к промышленникам и для окраинной индустрии становится все труднее отвоевывать место на центральном внутреннем рынке, не говоря уже о соперничестве с германскими фирмами на рынках внешних. Хозяева германских промышленных предприятий, которым все теснее и теснее становилось в последние годы, могли мечтать о завоевании новых рынков, о

широкой колониальной политике и т. д.; может быть, отчасти о том же мечтали и хозяева эльзас-лотарингских фабрик, но у многих из них сказывалось (и гораздо ярче, по-видимому) другое чувство: сожаление о том, что их родина насильственно отторгнута от земледельческой, мелко-ремесленной, богатой свободными капиталами, но сравнительно бедной крупными промышленными предприятиями Франции и вошла как составная часть в страну гигантски развитой индустрии. Во Франции Эльзас-Лотарингия теперь была бы одной из самых промышленных областей, ничуть не уступая, например, Пикардии, а кое в чем и превосходя Пикардию, - и Франция была бы для нее обильным, богатым, обеспеченным рынком сбыта, где конкуренция была бы несравненно легче; да и колониальные владения Франции по своей покупательной способности несравненно важнее, чем колонии германские. Из всех этих соображений отнюдь не следует, конечно, что промышленники Эльзас-Лотарингии должны были бы проникнуться пламенным желанием отторгнуться от Германии и воссоединиться с Францией, чтобы они были готовы на все для этой цели и т. п.; мы хотим только пояснить, что у этого класса нет и не может быть никаких побудительных причин содействовать и сочувствовать слиянию Эльзас-Лотарингии с империей.

Их «франкофильство» тоже «молчаливое», но оно – налицо. Наконец, что касается класса торгового, то его умонастроение в значительной мере связано с настроением окружающего местного населения, так как никаких широких и далеких торговых сношений область эта почти не ведет, торговый обмен ее по преимуществу внутренний, клиенты торговцев - те же крестьяне и мелкие сельские хозяева, те же промышленники и рабочие о которых шла выше речь. По наблюдениям местных публицистов, торговцы составляют в значительнейшей мере кадры отчасти «лотарингского блока» (и прежде всего местных «националистов», т. е. франкофилов), отчасти же клерикального центра. Заметим еще, что если промышленники в Эльзасе и

Лотарингия жалуются, что они далеко не пользуются таким покровительством властей, как промышленник остальной империи, то еще чаще и резче жалуются негоцианты на систематический отказ в устройстве нужных водных путей и железнодорожных веток в области (ср. об этом особенно: *Hinzelin. L'Alsace sous le joug*, стр. 156 - 157).

Итак, мы можем прийти относительно подавляющего большинства нечиновничьего населения к выводу, что экономических побуждений к полному забвению прошлого, к искреннему и тесному слиянию с империей у него нет. Французской патриотической публицистике подобная наша формулировка показалась бы слишком скромной, скупой, умеренной, так как, если судить по наиболее читаемым органам французской прессы, по тем статьям, которые годами появлялись в этой прессе, эльзас-лотарингское население не переставало с самого 1871 г., подавляя в себе гнев, горячо мечтать «о новой, освободительной войне, о воссоединении со старым отечеством» и т. д. О них часто писалось как о людях, которые не устраивают восстания единственно вследствие того, что это предприятие - явно безумное, что их страна превращена в военный лагерь и т. д. Конечно, с этой шаблонной французско-патриотической, традиционно-обязательной точки зрения, на население Эльзас-Лотарингии, с точки зрения, прочно привитой среднему французскому обывателю покойным Деруледом и ныне здравствующим Барресом и Мильвуа, а за ними уже - всей наиболее читаемой прессой, только что сформулированный вывод может показаться слишком бедным по «настроению» и неполным по содержанию.

Но даже и приняв только это скромное воззрение, только усвоив мысль, что никакие повелительные экономические побуждения не толкали и не толкают большинство населения имперской области к слиянию с завоевателями, мы уже поймем, почему все усилия германизаторов в данном случае остаются тщетными.

Дело в том, что культурные симпатии, идейные связи, исторические воспоминания, семейные традиции, теснейшие узы, веками связывавшие население Эльзас-Лотарингии с Францией - все это от 1871 г. до настоящего времени могущественно влекло эльзасцев и лотарингцев к «старому отечеству», и все эти крепкие духовные стремления не находили ни малейшего внутреннего, психологического противовеса хотя бы, например, в новых экономических интересах, которые бы тянули к Германии.

Оттого, что целый ряд французских патриотов и прославившихся генералов вышел из Эльзас-Лотарингии, оттого, что Марсельеза родилась в Страсбурге, оттого, что все душевные симпатии огромного большинства населения склонялись на сторону Франции, - еще не могло произойти восстания, но все эти воспоминания и все эти чувства, не встречавшие никакого внутреннего противодействия, сделали население Эльзаса и Лотарингии глухим к убеждениям и угрозам германской прессы, к онемечающим усилиям государственной низшей, средней и высшей школы, сделали бесплодными все мероприятия германской власти, рассчитанные как на популярность, так и на устрашение. Нужно сказать, что в общем германизаторские усилия выражались в течение всех сорока четырех лет преимущественно в мероприятиях не культурного, но полицейско-принудительного характера.

1. Прежде всего преследования были воздвигнуты против всего, напоминавшего о французском владычестве, в первую голову - против французского языка. Преследовались вывески на французском языке, воспрещалось вписывать в метрические свидетельства французские имена и т. п. Эта мелочная борьба чрезвычайно раздражала и раздражает население. Борьба против французского языка тесно связана со стремлением вытравить из памяти все касающееся прошлого страны. Воспрещаются французские надписи на могилах французских солдат, павших в бою в 1870 г.; преследуется соединение цветов белого,

синего и красного, так как это цвета французского знамени; деревьях, в которых почти никто не говорит по-немецки (в Лотарингии), вводится - и именно в последние годы - делопроизводство на немецком языке, хотя по закону 1872 г. для этого требуется, чтобы по крайней мере 50% населения говорило по-немецки. Общество для охранения памятников, а также задававшееся целью культивирования памяти погибших в 1870 г., так называемое общество *Souvenir français* было закрыто властями; возникшее вслед за тем общество *Souvenir alsacien-lorrain* постигла та же участь. Это была единственная ассоциация, члены которой ставили своей задачей культивирование былых традиций; конечно, никакими чисто политическими целями оно не задавалось и не могло задаваться.

2. Местная пресса существует не только в лице пангерманистской «*Strassburger Post*», читаемой больше всего пришлым элементом (чиновничеством и т. д.), но и в виде нескольких немецких и даже французских газет (из последних наиболее читаемым является «*Journal d'Alsace-Lorraine*»). Эти газеты находятся под бдительнейшим надзором как прокуратуры и полиции, так и всей империалистской и пангерманистской прессы империи, под постоянным страхом печатных доносов и обвинений в государственной измене.

Преследования против них возбуждаются по малейшему поводу, так как правительство совершенно не верит в искренность их лояльных чувств (в чем, впрочем, оно несколько не ошибается). Степень свободы, которой пользуется общеимперская пресса, совершенно неизвестна в Эльзас-Лотарингии.

3. Наконец, свобода и безопасность личности в Эльзас-Лотарингии совсем не те, что в остальной империи. Одной из самых характерных черт царящего в имперской области полицейского режима нужно признать то обстоятельство, что внезапные обострения и столь же внезапные послабления в этом режиме обуславливаются, обыкновенно, совсем независимыми от населения фактами, именно - теми или иными отношениями, ца-

рящими в данный момент между Германией и Францией. Устраивает (в 1891 г.) Париж враждебную демонстрацию находящейся проездом вдовствующей германской императрице, - и в Эльзас-Лотарингии тотчас же ни с того ни с сего вводятся драконовские паспортные правила; улучшились отношения, и паспортные правила смягчаются; Франция соглашается прислать свои суда на торжество открытия Кильского канала, - в Эльзас-Лотарингии полицейские придирки утихают почти совершенно; начинается дипломатическое франко-германское единоборство из-за Марокко, - и имперские власти в Страсбурге и Метце свирепеют. «Импульсивность» Вильгельма II поразительно сказывалась всегда в этих мгновенных переходах. Во всяком случае, справедливость требует заметить, что в самые последние годы (особенно с введением ландтага) произвол гражданских властей, хоть они и совершенно независимы от ландтага, уменьшился. Зато, как уже сказано, военный элемент, всегда державший себя в Эльзас-Лотарингии необычайно нагло и высокомерно, нисколько не изменился. «Цабернский инцидент» это показал весьма наглядно. Напомним вкратце об этом инциденте, о котором до сих пор беспрестанно говорят французские газеты, хотя он случился еще в 1913 г., а с тех пор утекло много и воды и крови. Барон фон Ферстнер, лейтенант пятой роты 99 пехотного полка, усмотрев, что один солдат наказан за то, что ударил ножом своего товарища по роте, эльзасца родом, воскликнул, что не стоило наказывать солдата из-за эльзасского *wake* (местное бранное слово) и что, напротив, он бы дал солдату за это десять марок. Когда об этом узнали в Цаберне (город, где происходило дело), толпа граждан устроила Ферстнеру ряд враждебных манифестаций, после чего он стал появляться на улице под вооруженной охраной. Это помогало мало; происходили постоянные столкновения, недоразумения, произвольные аресты мирных граждан солдатами и офицерами (однажды были арестованы, между прочим, чины судебного ведомства, в том числе прокурор за то, что осмелился вслух сказать при появлении вооруженного кортежа:

«Это невероятно»). Дело дошло до имперского рейхстага, где представители самых умеренных партий выразили свое недоумение и возмущение по поводу безобразий фон Ферстнера и покрывающего его начальства, но правительство решительно стало на сторону цабернских военных. Это дело произвело длительное и глубокое раздражение во Франции и было обильно использовано французской патриотической печатью.

Эльзас-Лотарингский вопрос был одной из постоянно сочившихся европейских ран. В настоящей заметке мы старались с необходимой краткостью указать как на причины, не дающие населению этой области побудительных мотивов к прочному слиянию с Германией, так и характеризовать те условия, которые постоянно раздражают, обижают и волнуют население, постоянно растрavляют страшные воспоминания 1870 г. Об этом годе не забыла ни Эльзас-Лотарингия, ни Франция. Для Франции вопрос о реванше был не только вопросом об исправлении изуродованной вогезской границы. Потеря этих двух провинций страшно ухудшила оборонительную позицию Франции, обнажила богатейшие части страны, открыла дорогу в Париж. Правда, усиленная постройка крепостей в конце концов несколько ослабила опасность, но все-таки не устранила ее. Мечта о возвращении отторгнутых провинций всегда соединялась гармонически с мыслью о воссоздании и укреплении поколебленного чувства национальной безопасности и в то же время чувства национальной чести. В начале нынешней войны, в августе 1914 г., маститый историк Эрнест Лависс напечатал в газете «Temps» необычайно интересную страничку своей, так сказать, психологической биографии, даже вчуже хватающую за душу: он рассказал, как постепенно менялись его чувства и мысли относительно Эльзас-Лотарингии, вернее, как постепенно он переходил от надежды на *реванш* к мучительному сознанию почти полной неосуществимости этих надежд; как минутами эти надежды вновь воскресали и опять потухали. Он пережил потерю Эльзас-Лотарингии и дожил до времени, когда история, кажется,

намерена пересмотреть свой приговор... Франция не хотела этой новой войны; но когда война сделалась неизбежной, Франция *вся* объединилась под знаменем, на котором были написаны слова: возвращение Эльзаса и Лотарингии.

Эльзас и Лотарингия не восставали против Германии, хотя жилось им невесело, не высказывали никогда мечтаний о мировом пожаре, который должен их освободить, но когда пожар возник, они оказались психологически совершенно готовыми, им не пришлось создавать программу своих пожеланий. Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть, если судьбе угодно будет исполнить желание Франции, что во всей возвращенной области обнаружатся те чувства бурного ликования, которые проявились в пока завоеванной французами части Верхнего Эльзаса, в январе 1915 г., при посещении президента Пуанкаре.

Впервые опубликовано в сб. ст.: Вопросы мировой войны. Пг., 1915, стр. 118 - 134.

VI. Рецензии.

Заостровцев Б. П.

Песонен П., Риихинен О. Динамич-ная Финляндия. (Перевод А. Рупасова) - Санкт-Петербург - Издательство «Европейский дом» - 2007 - IV+388 стр.

В длинном ряду переведённых на русский язык монографий и коллективных трудов, появившихся в последние лет 10 и посвящённых различным проблемам культурного и политического взаимодействия Финляндии как с Россией, так и с мировым сообществом в целом, найдётся крайне мало работ, авторы которых затрагивали бы проблемы - именно *проблемы* - экономического и социального развития нашего ближайшего северного соседа. Понятно, что мы с особым вниманием и интересом ознакомились с коллективным исследованием двух известных финских специалистов, взявших на себя труд раскрыть на примере своей страны связь между степенью развития современных социально-политических институтов общества и экономическими трудностями «государства благосостояния».

К выходу первого, англоязычного издания в 2002 г. и Пертти Песонен и Олави Риихенен были уже признанными авторитетами в своих областях научных изысканий. Первый - профессор политологии университетов Хельсинки и Тампере, популярнейший телевизионный комментатор большинства избирательных кампаний, специализировался на изучении истории становления и развития избирательных прав и, в особенности, проблемы определения факторов принятия решения избирателями в Финляндии (включая и права акционеров), (см., например, его *The Voters' Choice of Candidate* или *Kansanaanestys ja edustuksellinen demokratia*), второй - долгие годы возглавлял факультет социальной политики Университета Хельсинки и зани-